

Лита Марсон

Ледяная ведьма

12+

Лита Марсон
Ледяная ведьма

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Марсон Л.

Ледяная ведьма / Л. Марсон — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Я абсолютна одна в этом мире. У меня есть семья, но нет родных. Думаете, так не бывает? Еще как бывает. Я круглая сирота, выросла в приюте. Моя новая «семья» взяла меня к себе на пару лет в рамках какой-то государственной программы социальной адаптации. Меня зовут Карен, мне 15 лет, и это моя история.

Ненавижу рано вставать по утрам. Если бы я могла составить список предметов и людей, которых я ненавижу, список был бы весьма длинным. Но приличным девочкам нельзя даже думать о таких вещах, поэтому я неохотно встаю и иду в ванную умыться. По рабочим дням я предпочитаю вставать на полчаса раньше, чем вся остальная семья, чтоб иметь возможность спокойно собраться в школу. Кстати, школу я тоже терпеть не могу.

Увидев в зеркале свое отражение, я тяжело вздохнула. Темно-русые волосы ниже плеч, светло-голубые глаза, обычное лицо, каких тысячи. Ничего особенного, ничего запоминающегося. Тело стройное, руки и ноги даже слишком худые, на мой взгляд. Свою внешность я стараюсь принимать такой, какая она есть, но иногда бывает немного грустно, что я настолько обычная и ординарная. Обыкновенная девочка 15 лет отроду, которой не повезло родиться сиротой. Зато теперь у меня есть так называемая «семья», от которой мне частенько хочется сбежать подальше.

– Кого я вижу – ворона Кар-карен собственной персоной, – в коридоре появился мой «братец» по имени Маркус, старше меня всего на год, но выше на целую голову. Самомнение огромное, энергия бьет через край, а выплеснуть некуда. Любимый объект для издевок и насмешек это именно я. Да уж, программа социальной адаптации очень помогает мне привыкнуть к жизни за пределами приюта. Если в реальной жизни все такие, как Маркус, я лучше осталась бы в родном приюте до старости. – Что так рано вскочила, ворона?

– Люблю каркать по утрам, – криво улыбнулась я, продолжая двигаться в сторону кухни. Лицо «брата» исказилось от злости. Он всегда бесится, когда видит, что я не реагирую на его подколки. Мне даже его жаль иногда. Бедняга уверен, что мне есть дело до его глупых шуток и почти остроумных замечаний. Но мне нет дела ни до кого в этом мире...

– Солнышко, кто тебя разбудил в такую рань? – раздался фальшиво-заботливый голос из спальни родителей, и я сразу же втянула голову в плечи. Моя новая «мама». Ее имя я не расслышала, когда она пришла за мной в приют, а дома ее никто не называет по имени. Приходится и мне называть ее мамой, хотя мне противно даже произносить это слово. По крайней мере, по отношению к ней. Я еще понимаю, что она не любит меня – я ей чужая, к тому же живу в их семейке всего пару месяцев. Но она не любит даже своих родных детей, хотя изображает заботу и нежность весьма умело. Меня всегда пугают ее глаза – они остаются пустыми и холодными в любой ситуации. Даже когда наш «папа» приходит с работы поздно вечером, а «мама» встречает его и начинает сразу же суетиться вокруг него, ее взгляд остается неизменным.

– Мама, напомни мне еще раз, зачем нам нужна эта драная ворона в нашем доме? – поинтересовался Маркус, когда вышеописанная персона появилась на кухне.

– Сынок, нельзя так называть свою сестру, – укорила его мама, на что получила гневный ответ:

– Она мне не сестра! У меня есть сестра Лилиан, у меня есть два брата, а эта мне никто!

– Если бы ты был моим кровным родственником, я бы застрелилась, – огрызнулась я, наливая себе чай.

– Карен, Маркус, прекратите!

– В нашей семье не могла родиться такая, как ты!

– Интересно, почему? Наверно, потому, что в вашей семье все и так уроды?

– Карен, что за выражения?

– Мама, скажи ей заткнуться!

– А сам не можешь сказать – язык отвалится? Или уже отсох от постоянных гадостей? – я продолжала язвить, с удовольствием наблюдая, как Маркус пыхтит от злости, пытаюсь придумать достойный ответ, а его мама (вернее, наша мама) обнимает его и пытается успокоить. Подобные перепалки случались у нас почти каждый день, но брату никогда не удавалось выйти победителем. Не хочу хвастаться, но я соображаю намного быстрее, чем Маркус и Лилиан вме-

сте взятые, у меня острый ум и острый язык. У меня простой принцип – не трогай меня, и я не трону вас. А если полез задирачься, получи в ответ.

– Дорогая, не нужно быть такой колючей, – мамочка подошла ко мне и ласково погладила по волосам. Ей я никогда не осмеливаюсь нагрубить, я с ней даже спорить боюсь. – Пожалуйста, извинись перед братом и больше так никогда не делай.

– Хорошо, мама. Прости, Маркус, не хотела тебя обидеть, – покорно ответила я, опустив голову. Брат ничего не ответил и почти сразу же покинул кухню вместе с мамой, оставив меня одну завтракать.

Мои извинения были неискренними, но и нежность со стороны мамы была абсолютно фальшивой, поэтому я не чувствовала себя виноватой, а извинилась только для того, чтоб меня оставили в покое. Хотя не буду лгать самой себе – я никогда не осмелилась бы перечить нашей «мамале». У меня не было причин ее бояться, но я боялась, боялась до дрожи в коленках, до холодного пота, до кошмаров по ночам.

Как я радовалась, когда узнала, что мне не придется ночевать с ней в одной комнате! Когда меня только привезли из приюта, квартира моих новых родителей показалась мне очень маленькой, и я была уверена, что меня поделят в комнату с кем-то из новоиспеченных родственников. Но мне повезло – я ошиблась. Да, в нашей квартире всего три комнаты: в одной живут родители, во второй Маркус с Лилиан, а третья отдана младшеньким, братьям-близнецам Дину и Дану, которым недавно исполнилось 6 лет. К моему удивлению, оказалось, что помимо комнат, в нашем жилище имеется кладовка немалых размеров. Когда родители решили взять меня, они выбросили из чулана весь хлам, поставили кровать, и подсобное помещение превратилось в дополнительную комнату. Места маловато, зато это моя крепость, мой личный уголок, куда никто не имеет права войти без моего разрешения.

С самого детства превыше всего я ценила возможность побыть одной, чтоб привести мысли в порядок и отдохнуть от людей. Мое личное дело в приюте наверняка пестрит замечаниями на тему того, что я асоциальная личность, волк-одиночка, не умеющий контактировать с людьми. Но меня мало волнует, что обо мне думают люди, лишь бы не мешали мне жить так, как я хочу.

***

Все детство я провела в приюте. Все мои детские воспоминания начинаются с этого места. Другие дети описывали потерянных родителей, свой дом, некоторые даже помнили детский сад, в который ходили до того, как попали сюда. Но у меня ничего подобного не было – только приют, только воспитательницы вокруг, ничего больше. Когда мне было лет 6-7, я начала расспрашивать всех окружающих о том, откуда я взялась и где моя семья. В каждой книжке, что я читала, в каждом фильме по телевизору у всех были семьи, были мамы, папы, сестры, братья... А я была полностью одинока, и меня это удивляло. Сначала нянечки и учительницы пытались от меня отделаться какими-то общими фразами, но я не отставала. Тогда меня вызвала к себе директриса и провела короткую, но содержательную беседу. Из того давнего разговора я запомнила только одну фразу, которая показалась мне самой важной.

– Пойми, Карен, у тебя нет никого, ты круглая сирота, вся твоя семья погибла, и тебе надо учиться выживать одной, – может показаться, что слова директрисы были слишком суровыми для маленького ребенка, но именно эта фраза помогала мне выжить тогда, когда было тяжело. С самого детства я знала, что я одинока, что я могу положиться только на саму себя, что мне никто не поможет, если вдруг произойдет беда.

Беда пришла неожиданно, когда мне было 12 лет. Здание нашего приюта было старым, а на ремонт не было денег. Поэтому ничего удивительного не было в том, что однажды ночью крыша рухнула. Повезло, что на чердаке никого не было, но ветхие перекрытия во многих

местах не выдержали и проломились до самого подвала. За пару часов дом превратился в развалину, непригодную для жилья.

Мы сидели на улице возле нашего бывшего места обитания и ждали, пока взрослые придумают, что с нами делать дальше. Остальные дети старались держаться вместе, младшие плакали, а старшие старались их утешить, и все были напуганы. Я тоже испугалась, когда дом стал разваливаться прямо на глазах, но мне не нужно было ничьих утешений или ласковых слов. Я сидела одна, подальше от других, и успокаивала себя сама. Было тяжело и страшно, но я снова и снова повторяла, что мне необходимо научиться выживать одной и не зависеть ни от кого. Я всегда держалась обособленно, у меня не было близких друзей, я никого не подпускала к себе с самого глубокого детства, как будто боялась лишних привязанностей. Со временем это умение сослужило мне хорошую службу. В конце концов, когда тебе никто не нужен, тебе не страшны разочарования.

Только спустя 4 часа после катастрофы директриса нашла для нас временное обиталище. Нас всех усадили в старенький автобус и отвезли в какой-то заброшенный санаторий. Как я позже выяснила, его изначально строили как реабилитационный центр для наркоманов, но в нашем городе таковых фактически не было. После осознания этого довольно очевидного факта руководство города приняло стратегическое решение ничего не решать и забыло про недостроенное сооружение на окраине.

Но в тот день я не знала, куда нас везут. Нам ничего не стали объяснять, просто привезли и велели укладываться спать в огромном зале. К счастью, внутренняя отделка здания была закончена, все коммуникации были проведены, только не было мебели и прочих предметов обихода. Но это никого не смутило – каждому ребенку выдали спальный мешок и через полчаса потушили свет.

Через высокие окна проникало достаточно света, чтобы оглядеться и понять, где нас разместили. Видимо, помещение задумывалось как столовая, так как у входа были расположены умывальники, а в самом конце виднелась стойка для раздачи тарелок. Вполне логично было разместить нас тут – с утра мы все сможем умыться и привести себя в порядок. Все остальные радовались, что временно мы все находимся в одном помещении, но мне такое количество людей вокруг начинало потихоньку действовать на нервы.

Дети вокруг тихо переговаривались, некоторые еще плакали, вспоминая страшное пробуждение посреди ночи, а подростки вроде меня вовсю рвались исследовать новые помещения. Конечно, у них бы ничего не получилось, ведь воспитательницы заперли двери, но планы они строили активно и иногда даже громко. Разговоры, плач, храп, жалобы – все это невероятно раздражало. Я попыталась заткнуть уши пальцами, но так заснуть почти невозможно.

Не знаю, как остальным, но мне для того, чтобы заснуть, нужна полная тишина вокруг. Меня всегда поражали люди, которым требовалась музыка для этого. В нашей группе была парочка девчонок, которые просили воспитательниц разрешить им включать радио перед сном, иначе им не удалось бы сомкнуть глаз. После переговоров с остальной частью группы нянечки решили не рисковать – я выступила от лица всех и ясно, коротко и доходчиво объяснила, что будет, если после сигнала «Спать» не будет тишины. Мне было всего 10 лет, но уже тогда некоторые девочки в моей группе меня побаивались. После моего красноречивого выступления даже воспитательницы стали меня бояться. Я никогда не задумывалась, почему это происходит, просто привыкла к тому, что вызываю у людей опасения, страх, беспокойство или нервозность. Меня это мало волновало, хотя заставляло задумываться. Нет, я не размышляла о том, как бы мне измениться в лучшую сторону, чтоб вызывать у окружающих более теплые чувства, вовсе нет. Мои мысли были направлены на то, чтобы понять, как я могу использовать эту свою особенность в своих личных целях.

В этой истории с радио мое свойство определенно сыграло мне на пользу. Если бы тем странненьким девочкам разрешили слушать радио по ночам, мне не удавалось бы нормально высы-

паться. Никогда не могла понять, как можно хотеть спать под музыку? Под музыку хорошо танцевать, петь, готовить, даже убирать, то есть делать все, для чего нужен ритм. Но у сна ритм совсем другой, более медленный и тягучий – редко какая мелодия способствует засыпанию, скорее наоборот. Конечно, из книг и фильмов я знала, что маленьким детям родители поют колыбельные, но мне не верилось, что это действительно помогает детишкам уснуть. Возможно, в совсем юном возрасте их успокаивает звук маминого голоса, но по мере взросления любой отвлекающий звук начинает раздражать и мешать процессу расслабления. Видимо, эти любительницы радио и музыки перед сном просто люди другого сорта, которым мешают заснуть именно собственные мысли. Но все равно мне это было непонятно.

***

– Карен, ты уже собралась в школу? – псевдо-ласковый голос мамы заставил меня вздрогнуть и вернуться в реальность.

– Да, мама. Я полностью готова, – закивала я, пытаюсь вспомнить, какие сегодня уроки и чего мне ждать от сегодняшнего дня. Но следующая фраза была настолько неожиданной, что я даже глаза выпучила от изумления:

– Тебе стоит поторопиться. Лилиан с Маркусом не будут тебя долго ждать.

– А почему я поеду с ними, а не на автобусе, как обычно? – спросила я, когда слегка пришла в себя от шока. Резонный вопрос – до сих пор я ни разу не ездила со всеми вместе, а до школы добиралась на обычном городском автобусе. До недавних пор детей в школу возила мама, но за пару месяцев до моего появления в их семейке Маркусу исполнилось 16 лет и он благополучно сдал на права. С тех пор его обязанностью стало возить в школу самого себя и Лилиан. Когда меня привезли из приюта, братец сразу же громко заявил, что он не водитель такси и не собирается работать на тех, кто ему не является кровным родственником. Меня это вполне устроило, так как автобус довозил меня прямо до самой школы, и никаких проблем у меня не возникало. Видимо, мама решила исправить ситуацию на свой лад и уговорила Маркуса возить и меня тоже. В ответ на мой вопрос она строго посмотрела на меня, мгновенно отбив желание что-то еще спрашивать, но соизволила ответить:

– Это идея Лилиан. Она сказала, что несправедливо заставлять тебя тратить столько времени на поездку, если в семье есть машина и есть водитель. Видишь, какая у тебя заботливая сестра?

Я прикусила язык, чтоб не сказать ничего резкого в ответ, и молча поплелась к машине. Знаю я их с Маркусом заботу – опять задумали какую-нибудь пакость. А отказаться тоже не получится, иначе придется спорить с мамулей, на что я никогда не соглашусь. Ладно, буду надеяться, что поездка не закончится тем, что я выйду из строя на ближайшие месяцы.

Когда я села на заднее сиденье рядом с Лилиан, предчувствие недоброго только усилилось. С какой стати сестрица села сзади? Обычно она всегда едет рядом с Маркусом и громко оговаривает всех остальных водителей, а сейчас мирно сидит за его спиной и улыбается, как гиена.

Но выхода у меня не было, машина тронулась с места, а я уставилась в окно с робкой надеждой, что все будет хорошо. Поначалу все шло нормально, я даже немного расслабилась. Маркус вел уверенно и ровно, Лилиан мурлыкала какую-то песенку, и мне даже стало казаться, что все нормально.

На половине пути мы проезжали мимо городского парка, где суетились рабочие, меняя плитку на дорожках. Маркусу пришлось сбросить скорость, и мы вяло ползли в потоке машин вдоль огромной горы песка на обочине. Дальнейшие события пронеслись так быстро, что я не успела ничего понять.

В какой-то момент Лилиан резко наклонилась ко мне, распахнула мою дверь, после чего откинулась назад и со всей силы ударила меня ногами в спину. Я вылетела из машины как ракета и врезалась прямо в песчаной вал. Песок оказался влажным, и в одну секунду я была полностью им облеплена. Повезло, что скорость машины была невысокой, я даже не ударилась, только испачкалась и сильно испугалась. Зачем Лилиан это сделала? Неужели она хотела убить меня? Мысли пронеслись в моей голове с невероятной скоростью, но не задерживались надолго. Я лежала лицом вниз и не могла пошевелиться. За спиной я слышала хохот сестрицы – значит, они никуда не уехали? Так вот почему Лилиан предложила маме подвезти меня до школы – она заранее все спланировала... И что мне теперь делать? Что мне делать? Вопросы кружились вокруг меня, но я не могла на них ответить. Мне не хватало сил даже на то, чтобы встать и отряхнуться. Я знала, что от моих родственников можно многого ожидать, но такая подлость даже меня поставила в тупик.

Однако смех сестры неожиданно стих, и наступила тишина. Сильные руки обхватили меня за талию и помогли приподняться. Я отряхнулась и повернулась к своему спасителю, уверенная, что это кто-то из рабочих парка. Но передо мной стоял Маркус. Казалось, он сам был удивлен тем, что помог мне. Наши взгляды встретились, я открыла рот, чтобы поблагодарить его, но Лилиан не дала мне такой возможности. Выскочив из машины, она набросилась на брата с кулаками и воплем:

– Как ты смеешь ей помогать? Она же мерзкая уродина, которой не место в нашей семье! Ты должен был оставить ее валяться там, а не помогать ей, как будто она человек! Она никто! Слышишь?

– Слышу, – Маркус повернулся к ней, и сестра резко осеклась. – Слышу, но не понимаю, как ты можешь такое говорить. Мне она тоже не нравится, но твой поступок... твои слова...

– Мои слова? Ты сам говорил все это, а сейчас будешь строить из себя добренького? – Лили уже не говорила, а шипела. Я решила вмешаться в их спор:

– Послушайте, вы оба, успокойтесь! Вы оба ненавидите меня, я от вас тоже не в восторге. Меня не волнует, что вы думаете про меня, что вы говорите про меня, только не надо меня трогать! Пока вы не трогаете меня, мне плевать на вас, понятно? Лилиан?

– Чего ты хочешь от меня? – злобно спросила сестрица.

– Чтобы ты не вредила мне физически. Можешь говорить про меня любые гадости, в лицо или за спиной. Но никакого реального вреда я не потерплю, тебе ясно?

– Ясно, – она опустила глаза, чтоб не видеть ненависть, полыхающую в моем взгляде. Я не особо поверила ее словам, но это не было так важно. Главное, что я ее предупредила, и не шутила при этом. Еще одно враждебное действие в мой адрес – и я начну вредить ей всеми силами. Слова меня не трогали нисколько, но вот рисковать своей жизнью я не собиралась.

Выяснив этот вопрос, я уже собралась плестись обратно домой, но Маркус еще раз удивил меня. Взял за руку, усадил в машину на переднее сиденье, а сам сел в кресло водителя. Лилиан дернула ручку двери, но было поздно – двери уже были заблокированы. Опустив стекло, братец коротко сказал:

– Остановка через 100 метров. Доберешься сама до школы. Вот твоя сумка.

– А ты куда?

– Отвезу Карен домой, ей надо умыться. Мы приедем в школу позже.

Сестра хотела возразить еще что-то, но Марк уже закрыл окно и начал разворачивать машину. Выражение лица Лили заставило меня ехидно засмеяться – у нее отвисла челюсть, а глаза были широко раскрыты. Да, необычное вышло приключение по дороге в школу, даже удалось немного посмеяться. Однако поведение Маркуса меня поразило. Я была уверена, что это была их общая идея, поэтому не могла понять, зачем он заступился за меня. Может, это новая пакость, только более изощренная? Веселье как ветром сдуло, я подозрительно уставив-

лась на брата, пытаюсь понять, чего еще от него ожидать. Почувствовав мой взгляд, он быстро глянул на меня и вдруг спросил:

– Ты правда ненавидишь меня?

– Что, прости? Эээ... Ты это серьезно? Я даже... Как бы тебе сказать... Ты правда хочешь слышать ответ? – наконец-то я смогла сформулировать свою мысль и снова опасно покосилась на собеседника. Он ничего не ответил, но почему-то свернул с дороги и поехал в другом направлении. Что он собирается сделать, я не могла понять и начала всерьез опасаться за свою жизнь. Но ничего страшного пока не происходило. Мы доехали до какого-то пустыря, где брат остановил машину и долго смотрел вперед, не выпуская руль. Затем он повернулся ко мне, взял мои ладони в свои и повторил вопрос:

– Ты действительно ненавидишь меня?

Никто никогда так ласково не касался моих рук, и я оцепенела, не понимаю, что творится на белом свете. Несколько месяцев подряд он постоянно насмехался надо мной, говорил гадости, а сегодня вел себя настолько странно, что я не знала, чего ожидать от него. Но он явно ждал ответа от меня, и я постаралась ответить как можно честнее:

– Я нахожусь в вашей семье совсем недолго и почти никого из вас не знаю толком. Ты сам только что сказал, что я тебе не нравлюсь, и относился ко мне соответственно. Но сегодня ты мне помог, и я тебе благодарна за это, правда! Я не хочу тебя обидеть, но не надо ждать от меня какого-то хорошего отношения. Дело не в тебе, пойми! Я уже сказала твоей сестре, что меня не задевают слова. Ты мог мне говорить что угодно, меня это нисколько не трогало. Просто я сама такой человек, который...

– Который что? – напряженно спросил Марк, продолжая нежно удерживать мои руки в своих. Я замялась, но решила быть откровенной:

– Я не умею испытывать добрые чувства. Совсем не умею. Я могу быть только равнодушной. Если человек меня сильно обидит какими-то действиями, я постараюсь ему отомстить. Иногда я умею ненавидеть, злиться, бояться, я могу испытывать негативные эмоции, но не позитивные. Поэтому я тебе скажу все, как есть – я к тебе абсолютно равнодушна.

После моих слов в машине наступила такая тишина, что внутри меня все похолодело. Наверно, мне не надо было с ним так откровенничать. Не знаю, что он хотел от меня услышать, но явно не это. Я хотела еще что-то добавить, чтобы исправить ситуацию, но не придумала, что сказать. В который раз за этот день мне стало страшно. Минуты длились, но ничего не менялось. Маркус сидел, опустив голову, согревая своим теплом мои руки, а я сидела, затаив дыхание, и ждала, пока разразится буря. Неожиданно брат посмотрел мне в глаза и заговорил на совсем другую тему:

– Тебе надо скорее попасть домой и переодеться, иначе заболеешь. Поедем?

Я кивнула и осторожно высвободила свои ладошки. Воистину, это был странный день.

***

Дома никого не было. Папа был на работе, мама с близнецами была в детском саду. Хотя это не совсем детский сад, скорее частный дом, где собираются дети из нашего района. Те мамы, которые работают, приводят туда своих детей, а неработающие мамы вроде нашей присматривают за ними и за своими заодно. Я не особо интересовалась этим вопросом, только знала, что каждая мама должна была вносить свой вклад – работающие платили аренду, покупали еду и все необходимое, а те, кто не работали, готовили обед, проводили занятия и занимались с детишками. Удобная система, ничего не скажешь.

В любом случае, нам повезло, что дома было пусто, и не пришлось отвечать на неизбежные в такой ситуации вопросы. Маркус быстро занялся моей одеждой, приводя ее в порядок, а я скрылась в душе. Брат продолжал удивлять меня все больше и больше. Когда я немного

пришла в себя и вышла на кухню, меня уже дожидалась кружка горячего какао. Я решила пока не делать поспешных выводов, поэтому села на стол и молча принялась пить. После долгой паузы Марк сообщил:

– Я отчистил твою одежду и сумку от песка.

– Спасибо...

– И я думаю, что тебе не стоит сегодня возвращаться в школу. Я побуду дома с тобой, чтобы убедиться, что ты не заболела.

– А как же Лилиан вернется из школы?

– На автобусе. Ты ведь так ездила все это время, значит, и она сумеет, – брат разговаривал таким мрачным тоном, что мне расхотелось что-то еще спрашивать. Но одну вещь я действительно хотела знать. Но стоило ли задавать вопрос? В первый раз в жизни я оказалась в подобной ситуации и даже немного растерялась. Я привыкла быть волком-одиночкой, привыкла полагаться только на себя. Я никогда не нуждалась ни в чьей помощи. Но сегодня мир перевернулся с ног на голову. Человек, который в течение нескольких месяцев считался моим врагом, вдруг не только спас меня, но и встал на мою сторону против своей родной сестры. С какой целью он все это делает?

За свою недолгую жизнь я усвоила пару важных уроков, одним из которых был: никто ничего не делает просто так, без причины. У любого поступка, у любого слова, даже у любой мысли имеется своя причина. Нельзя сказать, что я не верила в бескорыстие или никогда не встречала добрых людей. Наоборот – воспитательницы в нашем приюте получали мизерную зарплату, но продолжали оставаться на своей работе и заботились о нас, как умели. Но даже у них были свои причины так поступать. Меня особенно не интересовало, что именно движет ими, но я была твердо уверена – не бывает ничего просто так. И теперь моим главным желанием было узнать, что заставило моего брата прийти мне на помощь. Я понимала, что не смогу жить дальше спокойно, если не узнаю, что именно это было, поэтому мне пришлось рискнуть и задать вопрос в лоб:

– Марк, скажи честно, почему ты это делаешь?

– Что ты имеешь в виду? – он даже не повернулся в мою сторону, продолжая смотреть в окно. Я решила не отступать и упрямо спросила:

– Ты знаешь, о чем я говорю. Почему ты стал мне помогать? Почему ты пошел против Лили? Ты ведь сам сказал, что я тебе не нравлюсь – так в чем причина твоей неожиданной доброты?

– Ты не можешь просто поблагодарить меня и не задавать лишних вопросов?

– Нет, не могу! – я уже начинала злиться. – Спасибо тебе, разумеется! Но если ты это делал только для того, чтобы получить мое доверие и потом сделать еще большую гадость в мой адрес, то мне не хотелось бы спешить в благодарностями!

– Ты всегда во всем видишь только плохое? – голос брата стал таким тихим, что я еле расслышала его вопрос. Но он даже не стал дожидаться моего ответа, повернулся ко мне, и я увидела у него на глазах слезы. Потрясенная невиданным зрелищем, я не знала, что и думать. Марк снова отвернулся от меня и задумчиво произнес:

– Маленькая дурочка... Если бы ты только знала, как я перепугался, когда Лили вытолкнула тебя из машины... Ее мерзкий смех до сих пор стоит у меня в ушах. Я так перепугался, что сначала чуть не уехал прочь. Мне казалось, что ты уже не шевелишься. А потом я вдруг понял, что надо бежать к тебе на помощь. Я был готов везти тебя в больницу, если потребуется. Когда я понял, что ты почти не пострадала, а только испачкалась, я почувствовал огромное облегчение и сам этому удивился.

Ты ведь появилась в нашей семье совсем недавно... Я так злился, что мама подписалась на эту дурацкую программу. А когда увидел тебя, подумал, что нам особенно не везет – именно нам досталась самая мрачная личность из всех, кто когда-либо попадал в приют. Мне кажется,

я начал тебя дразнить только для того, чтобы увидеть хоть какую-то человеческую реакцию. Надеялся, что ты хоть раз накричишь на меня, или заплачешь, или обидишься. Но ты оставалась равнодушной и смотрела на всех нас как на жалких муравьев у тебя под ногами.

Я никогда не встречал таких, как ты! В моем классе все девчонки одинаковые – стоит заговорить с любой из них, она начинает хлопать ресничками, поправлять волосы, у нее даже голос становится другим, более нежным и мягким. А ты – ты абсолютная противоположность. У тебя такой низкий голос, как будто ты выросла в какой-то пещере. Я ни разу не видел, чтобы ты приводила себя в порядок у зеркала. По-моему, ты вообще никогда в зеркало не смотришься. Ты всегда проводишь время в одиночестве – и дома, и в школе. Мне иногда хотелось войти в твою комнату и посмотреть, чем ты там занимаешься, но я боялся. Я действительно начал тебя бояться, так как не мог понять тебя. Ты настолько другая, что это описать нельзя. Я никогда в жизни не боялся никого. А уж тем более девочку. Но ты просто перевернула мой мир с ног на голову.

Все эти месяцы я был уверен – если ты исчезнешь из нашей жизни, я буду только рад. Я мечтал о том, чтобы нашлись твои дальние родственники, или оказалось бы, что тебе на самом деле уже есть 18 лет, и ты можешь жить одна... Все, что угодно, лишь бы ты перестала мутить воду в нашем мирном доме. И только сегодня я понял правду... Я был таким дураком, Карен, таким дураком...

В голосе брата было слышно чувство вины и сожаление. Слезы на его глазах поразили меня намного меньше, чем его признания. Что положено говорить в таких случаях? Как бы отреагировала нормальная девочка? Что мне сказать ему? Я не могла бы утверждать, что его слова оставили меня полностью равнодушной, но отсутствие опыта таких ситуаций сбивало меня с толку и не давало мне разобраться в моих эмоциях. Пришлось на время отложить самоанализ и задать прямой вопрос:

– Какую правду ты понял, Марк?

– Не имеет значения. Зная тебя и твой характер, я понимаю, что мои слова ничего не изменят. Сегодня я задал тебе вопрос и получил исчерпывающий ответ. Спасибо за честность. Если тебе что-то будет нужно, я буду в своей комнате.

Он встал и направился к выходу из кухни. У меня было всего несколько секунд, чтоб остановить его, и я решилась на невиданный для себя самый поступок. Встав у него на пути, я крепко обняла его и прижалась лицом к его груди. Даже не знаю, что толкнуло меня на такой поступок, мое тело как будто само двигалось, но почему-то я была уверена, что поступаю правильно.

Маркус замер, и моя уверенность моментально испарилась. Что, если я ошиблась? Если он сейчас оттолкнет меня и начнет смеяться надо мной? Но этого не произошло – его сильные руки прижали меня к его телу, и я наконец-то смогла расслабиться. В его объятиях было невероятно уютно и тепло. До сей поры меня только иногда обнимали нянечки в приюте, но это нельзя было сравнить с тем удовольствием, что я испытывала сейчас. А когда одной рукой он начал тихонько гладить меня по волосам, я закрыла глаза и почти задремала. Продолжая прижимать меня к себе, он провел меня по коридору до своей комнаты и усадил на кровать. В молчании проходили минуты, и меня посетила странная мысль – как бы хотелось, чтоб это мгновение продлилось вечно... Не знаю, о чем думал он, но его дыхание было спокойным, и мне даже казалось, что он улыбается. Я не могла видеть его лицо, но отчетливо ощущала, что ему так же хорошо, как и мне. Воистину это был самый странный день в моей жизни – день, когда один из моих врагов неожиданно стал моим союзником.

***

После разрушения здания нашего приюта перед мером города встал вопрос, что с нами делать дальше. Старое здание не подлежало восстановлению, а через пару лет его было решено снести. Недостроенный санаторий был неплохим местом для временного обитания, но для постоянного проживания требовался значительный косметический ремонт, покупка мебели, игрушек, компьютеров и всего прочего, что необходимо детям. Руководство города встало в тупик. Никто не хотел тратить столько бюджетных средств на никому не нужных сирот, но изобразить заботу о нас требовалось в любом случае. В итоге после катастрофы мы прожили в санатории почти 2 года, прежде чем мер всерьез занялся этим вопросом. Нас снабжали предметами первой необходимости, регулярно кормили, восстановили компьютерный зал и подключили интернет, поэтому нас мало волновало, что с нами будет дальше.

Каждый в приюте понимал, что когда ему или ей стукнет 18 лет, наступит новая, взрослая жизнь, которую придется начинать в одиночестве. Мы все обещали друг другу поддерживать связь после того, как покинем эти стены, но большинство понимало, что даже это вряд ли нам поможет. Нас было слишком мало, поэтому пара-тройка знакомых из тех, кто покинет приют вместе с тобой, не изменит того факта, что начинать новую жизнь нам пришлось бы с нуля.

Наверно, правительство тоже начало это понимать, поэтому вскоре после того, как мне исполнилось 14 лет, воспитательницы сообщили нам о том, что запущен новый проект социальной адаптации. Поначалу мы ничего не поняли и решили, что это очередной никчемный план нашего мера, который в реальной жизни мало что смыслил и с пугающей регулярностью создавал проекты, которые осуществить на практике было невозможно.

Я особенно хорошо запомнила его законопроект о пенсионерах, с которым он носился последние несколько месяцев. Суть его великой идеи сводилась к тому, чтобы пенсионеры снова могли почувствовать себя полезной частью общества, поэтому им предлагалось создать добровольные дружины по поддержанию порядка на улицах города. Звучало очень красиво и даже достойно, но на деле все это свелось к тому, что за небольшую прибавку к пенсии бедным старичкам приходилось убирать улицы, ведь теперь именно они отвечали за чистоту и порядок в своем районе. В итоге проект быстро свернули, пенсионерам выплатили компенсации за моральный ущерб, а городским дворникам повысили зарплату, чтобы мотивировать их внимательнее относиться к своим прямым обязанностям.

Однако, ко всеобщему удивлению, программа социальной адаптации оказалась жизнеспособной и даже полезной. Всем известно, что люди предпочитают брать из приютов маленьких детей, которые еще не очень понимают, кто их настоящие родители. В крайнем случае, могут взять детей до 10 лет, надеясь успеть их воспитать согласно своим представлениям о хорошем ребенке. Но если тебе уже исполнилось 14 лет, как мне, то вариант был только один – подождать 4 года в приюте и затем отправляться в широкий мир. Для этого и была запущена новая программа. В ней предлагалось брать в семью именно тех детей, кому уже 14-15 лет как минимум. Основной упор шел на многодетные семьи по вполне понятной логике – если дома уже 3 или 4 ребенка, кому помешает еще один? Со своей стороны город и правительство обеспечивали хорошее пособие той семье, которая будет согласна принять к себе подростка. Суммы пособия хватало не только на приемного ребенка, но и на остальных членов семейства. В общем, правительство с помощью этого проекта добилось сразу нескольких целей – частично решило проблему с нашим приютом, а также помогло многодетным семьям.

Оставался открытым вопрос, что будет делать такая семья с приемным ребенком после того, как он достигнет совершеннолетия? Насчет этого пункта дискуссии все еще продолжались, но мер города склонялся к такому варианту, что с момента принятия подростка в семью эта проблема ложится именно на семью, а правительству больше не надо ни о чем думать. Чтобы не получилось так, что после 18-летия все эти подростки окажутся на улице, были приняты поправки к программе. По этим поправкам, если семья продолжала заботиться о выходе из приюта и дальше, до его 30-летия, то каждый год этой семье выплачивалась определенная

сумма денег. Конечно, эта сумма была значительно меньше пособия, которое семья получала за несовершеннолетнего, но была достаточно большой, чтобы служить соблазном для многих. Таким образом, мер города считал, что проблема решена, и велел начинать проект.

Когда программа была запущена, начался настоящий бум. Оказалось, в нашем городе довольно много семей, которые готовы даже взять чужого ребенка для того, чтобы лучше обеспечить своих собственных. Буквально через полгода санаторий наполовину опустел. Когда число подростков начало подходить к концу, народ начал разбирать детишек помладше. Никогда раньше наш приют не пользовался такой популярностью. Когда все эти люди приходили посмотреть на нас и видели те условия, в которых мы жили с момента катастрофы, они все как один впадали в ужас и уводили за собой кого-нибудь из наших, чтобы «спасти из этого омерзительного места!».

Наш город был действительно очень большой, в нем проживало несколько миллионов человек, а в приюте нас было всего около сотни детей разного возраста. Наши ряды стремительно редели, но меня никто не хотел брать. Меня это совсем не удивляло – зачем брать к себе домой такую мрачную и нелюдимую девочку, которую даже нянечки опасаются? Я догадывалась, что в моем личном деле стоит такое описание, которое могло отпугнуть даже самых меркантильных людей, желающих любой ценой получить это дурацкое пособие. В любом случае, ситуация не менялась – приходящие семьи выбирали кого угодно, но только не меня.

С момента начала проекта прошло уже полтора года, и нас оставалось около 20 человек, когда к нам пришла необычная гостья. Большинство воспитательниц к тому времени уже уволилось, так как у них почти не осталось работы. Недостроенный санаторий опустел, и для тех, кого еще не разобрали по семьям, наступило время почти полной свободы. Пару раз в неделю к нам приходили учителя, давали задания и проверяли наши знания, но все остальное время мы занимались чем хотели.

Я сидела в библиотеке и читала какую-то книгу, когда прибежала одна из оставшихся нянечек и торопливо потащила меня за собой. По дороге она торопливо объяснила мне, что за мной пришли. На мой изумленный взгляд она пожала плечами и пояснила, что пришла женщина, которой требуется именно девочка 15 лет. На тот момент я была единственной подходящей кандидатурой, но была уверена, что от меня откажутся сразу, только увидев меня или прочитав мою характеристику.

Когда я вошла в кабинет директрисы, то увидела стоящую ко мне спиной женщину с длинными черными волосами. Она внимательно слушала директрису, которая рассказывала обо мне, стараясь не слишком сгущать краски.

– Вы понимаете, Карен очень хороший ребенок, но сложный в общении... Но сейчас у нас осталось всего 17 детей, и большинство из них мужского пола. А вот и наша девочка пришла, вы можете с ней познакомиться, если считаете, что она вам подойдет...

– Я уверена, что Карен нам подойдет, – коротко отрезала собеседница и повернулась ко мне. Это был первый раз, когда я увидела свою будущую «маму». Ее глаза были холодными и пустыми, но губы растянулись в неискренней улыбке.

– Здравствуй, моя дорогая.

Я хотела поздороваться, но не смогла. В первый раз в жизни мне стало по-настоящему страшно.

***

Проснувшись, я не сразу поняла, где нахожусь. Мне было так тепло и уютно, как будто я сидела у костра, вот только вокруг было темно. Но когда я увидела, что рядом мирно спит Марк, я моментально вспомнила, как оказалась в его комнате, и сразу вскочила. Брат сонно посмотрел на меня и поинтересовался:

– Торопишься куда-то?

– Не совсем... А сколько времени сейчас? Мы что – проспали весь день?

– Нет, прошло всего часа полтора, не волнуйся. Лили и мама вернутся еще не скоро, никто тебя не увидит в нашей комнате. К тому же мы ничего ТАКОГО не делаем, – наверно, Маркус пытался пошутить, но я плохо воспринимала такого рода юмор, поэтому ответила резко:

– Для ТАКОГО я еще слишком маленькая, не забывай об этом! Мне всего 15 лет, извращенец!

Брат тяжело вздохнул и неопределенно пожал плечами, но ничего не возразил. Я же пыталась быстро сообразить, что делать дальше. Проспав несколько часов, я все еще плохо соображала и толком не могла придумать, как поступить с неожиданным союзником. Насколько я могу ему доверять? Его помощь была одноразовой акцией? Или же его отношение ко мне вдруг поменялось так кардинально? Для полноценного анализа ситуации мне не хватало данных, но и верить на слово своему недавнему противнику я тоже не собиралась. Сделаем-ка вот что...

– Я сейчас уйду в свою комнату, а ты поедешь в школу за сестрой. И не спорь со мной. Мы должны сделать вид, что ничего не изменилось. Никто не должен знать, что ты теперь на моей стороне.

Я специально сказала все это так, чтобы подчеркнуть, что на данный момент я ему верю и верю в то, что он мой союзник. Если он сейчас начнет спорить с последним утверждением, значит, его помощь была одноразовой, а в остальном ничего не изменилось. К тому же я постаралась высказать свои предложения самым приказным тоном, на который только была способна. Пусть разозлится – когда человек теряет контроль, он обычно говорит именно то, что думает, а не то, что ему полагается сказать. Его реакция меня не разочаровала:

– С какой стати ты тут раскомандовалась? Никуда я не поеду! Лилиан вполне может приехать домой на автобусе!

– Не спорь со мной, – повторила я ледяным тоном, чтобы его распалить еще сильнее. Но эффект был прямо противоположным – Марк вдруг сник и неохотно признал:

– Наверно, ты права. Если Лили увидит, что я продолжаю тебя защищать, она может попробовать выместить злобу на тебе, а я не всегда смогу быть рядом, чтобы остановить ее. Видимо, я должен согласиться на твой план, чтобы обезопасить тебя.

Интересная у него логика получается. Значит, он все еще мой друг? Я могу на него положиться в трудной ситуации? Или же это часть его хитрого плана? Я никогда не умела никому доверять полностью. Мне всегда казалось, что даже если человек делает мне добро и ничего не просит взамен, за этим всегда что-то стоит. А уж добрые дела в исполнении моего брата, которого еще сегодня утром я считала недалеким, злобным, тупоголовым дурачком – для моей способности доверять это было серьезное испытание. Моя вечная подозрительность уже начала шептать мне на ухо всякие нелицеприятные варианты, для чего Марк так себя ведет, и многие из них были вполне реалистичными. Мне требовался способ проверить его искренность и хорошее отношение ко мне, но пока ничего не приходило в голову. Ладно, пока будем придерживаться моего плана, а дальше посмотрим.

– Вот видишь, ты сам понимаешь, что пока мы должны вести себя так, как раньше. Ты будешь и дальше говорить мне гадости, а я буду продолжать тебя игнорировать. Никто не должен ничего заподозрить.

– Слушаюсь, госпожа, – с легкой иронией брат поклонился и пошел переодеваться.

Пока он ездил в школу, у меня было время продумать свою дальнейшую стратегию. Никаких особых гениальных идей мне в голову не приходило, поэтому я решила делать вид, что сегодня ничего не произошло. Пусть Маркус продолжает быть моим врагом, пусть говорит гадости, я буду его игнорировать, как и раньше. Самое важное, чтобы Лили больше не пыталась мне физически навредить. С ней надо быть поосторожнее и следить за каждым ее шагом.

Надеюсь, от «брата» мне уже не надо ожидать ничего подобного, но я не имею права расслабляться и считать, что все самое тяжелое и страшное позади. Я не дома, вокруг меня чужие люди, а не семья, и об этом не стоит забывать. Интересно, а когда-нибудь у меня будет настоящая семья? Или моя судьба это жизнь среди людей, которым я не могу доверять? Хотя я в принципе доверять не умею, так что невелика беда.

Дожидаясь свою семейку, я лениво поделала уроки, прибрала в своей каморке, хотя там и так было достаточно чисто, потом взяла книгу почитать и зачиталась. Мне больше не хотелось что-то думать, планировать или решать, а хотелось просто отдохнуть от всего. Не каждый день твоя «сестра» вытаскивает тебя из машины. И не каждый день бывший враг, а по совместительству еще и «брат» становится на твою сторону. В общем, денек выдался суматошный, поэтому моему утомленному сознанию требовался покой хотя бы на пару часов.

Отдых пошел мне на пользу, и к возвращению остальных членов семьи я снова была в полной боевой готовности. Как обычно, Маркус не только забрал сестру из школы, но и маму с близнецами из детского сада. Дин и Дан от самых дверей бросились ко мне и схватили за руки, предлагая сразу же пойти в их комнату и помочь им нарисовать картинку по заданию воспитательницы. Рисовать я не умею в принципе, поэтому уже собралась отказаться, но тут в разговор вступила мама и строго велела всем отправляться на кухню ужинать.

Я иногда не понимаю, почему маленькие дети так тянутся ко мне. Я редко улыбаюсь, почти всегда занята своими мыслями, не умею сюсюкать и не считаю, что к детям следует как-то особенно относиться. Младенцы это понятно, они еще сами ничего не могут и не умеют, но детишки постарше отлично сами все соображают, поэтому я никогда не пыталась с ними говорить на каком-то ломаном языке, на все вопросы старалась отвечать четко, ясно и точно. Может, это их и привлекало во мне, не знаю. Но факт оставался фактом – еще в приюте дети помладше всегда хотели проводить время со мной, втягивали меня в свои игры и поверяли свои маленькие секреты. Иной раз мне даже немного льстило такое доверие с их стороны. В любом случае, к маленьким детям я всегда относилась лучше, чем к подросткам или взрослым, охотно участвовала в их играх, терпеливо отвечала на бесконечные вопросы и никогда не позволяла старшим обижать младших.

Придя в эту семью, я быстро поняла, что мама ко мне абсолютно безразлична, у папы просто не было времени на кого-то из детей (он постоянно пропадал на работе), Лили с Марком почти сразу начали проявлять враждебность, но вот близнецы полюбили меня с первого взгляда. С самого начала я относилась настороженно ко всем, кроме них. Я не очень люблю детей, но я ценю в них отсутствие лицемерия и искренность. Я видела, что я им действительно нужна и интересна, поэтому с удовольствием проводила с ними время, когда мама бывала занята.

В этот вечер Дин и Дан тоже надеялись утащить меня в свою комнату, но мама быстро выпроводила их из кухни, велела нарисовать картинку самим, и затем повернулась к нам. Выражение ее лица говорило о том, что она злится. К моему удивлению, когда она злилась или ругалась, ее глаза переставали быть холодными и равнодушными. То есть она была искренней в проявлении негативных эмоций, но никогда не показывала (или не испытывала) ничего позитивного. У нас с ней определенно было нечто общее, хотя я старалась об этом особо не задумываться. Мне не очень-то хотелось вырасти такой, как она, и навсегда спрятаться за ледяной маской безразличия ко всему. А мама приступила к допросу:

– Это правда, что Лилиан напала на Карен и выбросила ее из машины?

Наступила тишина. Я смотрела в пол и делала вид, что меня тут нет. Лили от неожиданности громко икнула, а затем последовала моему примеру. Но Марк не стал молчать:

– Да, мама. Я ведь уже говорил тебе об этом.

– Хорошо, но я хочу, чтобы девочки рассказали мне, как все было. Почему Лилиан это сделала?

– Мамочка, но ты ведь знаешь, как мы ее не любим, – с жаром начала объяснять сестра. – Мы не хотим, чтобы она жила в нашей семье! Поэтому я просто хотела...

– Убить меня? – я в упор посмотрела на нее, и она сразу замолчала. Зато вмешалась мама:

– Дорогая, я сомневаюсь, что убийство было ее целью. Но она поступила очень плохо и будет наказана. А вот Маркус все сделал правильно. Маркус, ты молодец!

Эти слова мамы вызвали волну эмоций со стороны всех остальных участников разговора. Маркус покраснел и опустил голову, явно польщенный маминой похвалой. Я помалкивала, испытывая противоречивые чувства – с одной стороны, я была благодарна «маме» за то, что она защищает меня, с другой стороны, меня не покидало ощущение, что она делает это не по воле сердца, а только потому, что так положено делать в подобной ситуации. А Лили вообще вскочила и от злости затопала ногами:

– Это я поступила правильно! Мой брат не должен был заступаться за эту ворону! Мы же одна семья, а она чужая, чужая!

Краем глаза я заметила, что Маркус сжимает кулаки и готовится резко ответить сестрице, но этого нельзя было допустить. Я слегка кашлянула, а когда он посмотрел на меня, еле заметно покачала головой. Он слегка кивнул и сказал совсем не то, что собирался сказать:

– Лили, милая, ты абсолютно права насчет этой вороны, но все-таки угрожать ее здоровью мы не имеем права. Не забывай, что пока она живет с нами, мы получаем неплохие деньги. А если она на нас пожалуется, ее заберут обратно в приют, а мы лишимся этих денег. И тогда нам с тобой придется ходить в школу пешком, маме придется искать работу...

– Да, все верно, – сестра вздохнула и села обратно на стул. – Ты поэтому помог ей?

– Конечно, солнышко! Я ведь потом приехал за тобой в школу, оставив ее дома одну. Я бы тоже хотел от нее избавиться поскорее, но мы не можем этого сделать, к сожалению.

– А если она пожалуется в какую-нибудь инстанцию, что мы изводим ее насмешками? – опасливо поинтересовалась Лили, но мы с Маркусом ответили почти хором:

– Нет, не пожалуется.

– Нет, не пожалуюсь.

После паузы брат пояснил:

– Ты же помнишь ее слова после того, как ты выбросила ее из машины? Она сказала, что ей наплевать на наши слова, лишь бы мы не трогали ее физически. Пока мы не трогаем ее, она не трогает нас, верно?

– Именно так, – подтвердила я, немного удивленная тем, что он запомнил все это. Еще больше меня изумило, что мама совершенно не принимала участие в нашей дальнейшей беседе, а смотрела в окно и думала о чем-то своем. Видимо, она почувствовала мой взгляд, так как обернулась к нам и устало сказала:

– Я рада, что мы все выяснили. Надеюсь, больше вы не будете обижать свою новую сестру. Неважно, какие деньги мы за нее получаем, все равно она член семьи, и надо это помнить. Чтобы наказать Лили и наградить Маркуса, я решила, что Лили весь следующий месяц будет убирать вашу общую комнату одна, а Маркус не будет ей помогать и сможет отдохнуть после школы. Ну а Карен я разрешаю неделю не ходить в школу, так как ей надо прийти в себя и набраться сил. Теперь можете идти по своим делам. Надеюсь, вопрос действительно решен.

– Да, мама, – мы все закивали и торопливо покинули кухню. Я скрылась в своей комнате и решила, что лучше не буду думать о том, что Марк изменил свое отношение ко мне. Пусть все остается по-старому. Очевидно, он понял, что должен продолжать обзывать меня и вести себя так, как будто я ему очень мешаю. Наконец-то этот странный, долгий день закончился, но никаких существенных изменений он не принес. Я так и осталась чужаком в этой семье.

***

Прошло почти два месяца. Как я и ожидала, внешне ничего не поменялось. Марк и Лили активно дразнили меня, но никаких действий не предпринимали. Мама не вмешивалась, лишь иногда напоминала им, что я часть семьи, и им пора привыкнуть к этому. Разумеется, я продолжала ездить в школу на автобусе, а Маркус с Лилиан ездили на машине, как и раньше.

Я большую часть времени игнорировала все семейство, проводя время либо в одиночестве, либо в комнате близнецов, общество которых позволяло мне забыть обо всех проблемах. Дан учил меня рисовать, а с Дином мы вместе пытались научиться танцевать что-то вроде вальса.

Наступила очередная суббота, которая порадовала меня только тем, что можно отдохнуть от школы целых 2 дня. Мне всегда было легко учиться, с детства я отличалась хорошей памятью и достаточно развитой логикой. Одноклассники относились ко мне вполне сносно, в классе я никому не мешала, поэтому с некоторыми у меня даже завязалось некое подобие дружбы. Но меня утомлял сам процесс учебы. Уроки были длинными и скучными, ни один предмет меня не интересовал, а на переменах вообще было нечем заняться. Чаще всего я прогуливала половину уроков, убегая в небольшой парк в 5 кварталах от школы. Там было тихо, безлюдно, а в пруду плавали утки и селезни. Частенько я брала из дома хлеб и подкармливала их, особенно в зимние месяцы.

В школу я возвращалась к концу уроков, чтобы успеть на автобус и приехать домой вовремя. Хотя я была уверена, что если бы наша «мама» знала, что я не хожу на уроки, ей было бы все равно. Деньги за мое присутствие в их семье приходили бы даже в том случае, если бы я вообще не ходила в школу. Учителя на меня никогда не жаловались, так как я была одной из немногих в классе, кто действительно читал учебники, а еще я всегда делала домашние задания, даже если не собиралась идти на урок.

Весь субботний день я собиралась провести в своей комнате с книжкой в руках, так как дома почти никого не было и стояла непривычная тишина. Папа повез маму, Лили и близнецов по магазинам. Приближалось лето, поэтому надо было готовиться к отпуску, покупать летние вещи итд. Маркусу надо было готовить реферат, поэтому он не поехал, я же отказалась под таким же предлогом, хотя на самом деле мне просто никуда не хотелось ехать. Обойдусь без очередной маечки или купальника, зато смогу провести день спокойно.

Однако моим мечтам не было суждено сбыться. Через полчаса после отъезда родственников раздался стук в дверь моей комнаты. Пришлось вставать, отодвигать задвижку и впускать Марка. Его решительное выражение лица мне как-то не понравилось... С таким лицом люди обычно покоряют вершины, завоевывают крепости или пробивают головой стены. Пока что единственной стеной в радиусе досягаемости была я, поэтому робко надеялась, что его визит будет коротким и не опасным для меня. Даже начало разговора меня не вдохновило.

– Нам надо поговорить, – сурово произнес «завоеватель», пристально глядя мне в глаза. Ну начинается... После этих слов редко бывает что-то хорошее, поэтому я опасливо спросила:

– О чем?

– О нас с тобой.

Ничего себе завернул... Интересно, только мне почудился легкий пафос в его тоне? И чего о нас говорить? Прозвучало так, как будто мы с ним женаты лет 20, не меньше. Надо бы уточнить, что братец имеет в виду, но как-то боязно. Нехорошее такое у меня предчувствие, что ответ мне не понравится. Уж больно вид у него торжественный, как на похоронах президента. Да и взгляд такой пылливый, как будто он уже в голову мою забрался и бредовые мои мыслишки читает... Ладно, не буду сдаваться без боя. Лучшая защита это нападение:

– А разве есть о чем говорить? Ничего же вроде не изменилось.

– Ты в этом уверена? – и снова этот взгляд, как будто он мне голову сканирует.

– Слушай, да говори ты толком, зачем пришел! Не люблю загадками говорить и тебе не советую.

– У тебя довольно скоро день рождения...

Интересная смена темы. К чему бы это?

– Не знаю, к чему ты это сейчас вспомнил, но вообще через 2 месяца, в начале июля. А что?

– А то, что я хочу тебя поздравить с днем рождения.

– Сейчас? Не рановато будет?

Поторопился ты, приятель, с поздравлениями... Хотя может у них в семье так принято?

– Да нет! – наконец-то на лице брата проявились какие-то человеческие эмоции. Он строго посмотрел на меня и нахмурился. – Почему ты всегда такая язвительная?

– Не знаю, наверно, пошла в маму или в папу, трудно сказать. Сам понимаешь, дети в приюте мало знают про своих родителей.

Сочувствие в его глазах мне еще сильнее не понравилось. Как и многих людей, меня очень сильно раздражает чужая жалость. Да, я выросла в приюте, да, я не знала своих родителей, и что? Я от этого стала какой-то ущербной? Я не такая, как все? Я согласна, что я не совсем такая, как все, но это не только потому, что я не знаю свою семью. Просто я такая, какая я есть. Или принимайте меня такой, какая я есть, или хотя бы не жалейте меня из-за того, что я такая, какая я есть, ведь я такая, какая я есть, и другой не стану!

Запутавшись в собственных мыслях, я обратилась к настоящей проблеме, то есть к брату.

– Так при чем здесь мой день рождения?

– Я хочу тебя с ним поздравить, когда он настанет, – терпеливо стал пояснять Марк. – Я хочу подарить тебе подарок, я хочу приготовить тебе что-нибудь особенное.

– И что тебе мешает? – насторожилась я.

– Наши отношения.

Спасибо, дорогой брат, стало намного понятнее! Мне из него слова клешами прикажете вытаскивать? Конечно, мне приятно слышать, что он хочет меня порадовать. Возможно, это первый раз в моей жизни, когда кого-то посетило такое славное и похвальное желание, но мне еще и хотелось бы выяснить, что он вообще хочет сказать.

– Послушай, Марк, я понимаю, что краткость это сестра таланта, но такими темпами наш разговор затянется до вечера, а у меня в планах было еще успеть почитать спокойно. Если не сложно, высказывайся яснее, используя длинные предложения. Договорились?

– Просто я не знаю, с чего начать, – печально ответил он.

Можно мне его стукнуть, пожалуйста? Нашел проблему! С начала начинай, с самого начала...

– С начала начинай, – прошипела я, стиснув зубы. Мое терпение подошло к концу, и моей следующей фразой могло уже стать приглашение покинуть мою комнату и никогда в нее более не возвращаться, но настойчивый братец почувствовал перемену моего настроения и наконец-то выдал длинную фразу, которая многое объясняла:

– Пару месяцев назад я тебе помог, но ты велела мне делать вид, что ничего не изменилось. Я послушался, чтобы Лили больше не пыталась тебе вредить и была уверена в том, что я все еще против тебя. Но я устал от этого, я так больше не могу. Я хочу нормально общаться с тобой, хочу заботиться о тебе как о второй сестре, хочу, чтобы мы жили нормальной семьей. Разве я многого прошу?

Ну ты спросил... И что мне прикажете отвечать?

– Хммм.... – мой ответ был весьма содержательным, но не слишком информативным.

Проще говоря, я просто не знала, что ему сказать теперь. – У тебя самого идеи есть?

– Именно для этого я и пришел к тебе. Я предлагаю сказать всем правду про нас с тобой.

– Это плохая идея, на мой взгляд. Других нет?

– Нет, – отрезал Марк и направился к выходу. На пороге он обернулся и сообщил, – Сегодня я собираюсь поговорить с сестрой и с мамой, чтобы рассказать им, как я по-настоящему отношусь к тебе. Если у тебя нет других вариантов, разумеется.

Маленький поганец загнал-таки меня в тупик, признаю. Если я соглашусь на его вариант, мне даже страшно представить реакцию нашей семейки. Может, я излишне сгущаю краски, но мне лучше жить в одиночестве и в тени, чем пытаться завоевать себе место под солнцем. Я не хочу бороться с Лилиан за право быть сестрой Маркусу, я не хочу занимать чужое место в жизни, мне необходимо найти СВОЕ место, положенное мне с рождения. Но это точно не здесь, не в этой семье. Значит, нужно искать другой выход из положения.

– Послушай, тебе не надо ничего рассказывать. Ты можешь просто потихоньку перестать меня дразнить. Если не будешь поддерживать Лили, ей самой тоже быстро надоест. Будем жить как мирные соседи, без вражды. К моему дню рождения все наладится достаточно, чтобы ты мог меня спокойно поздравить. Я сомневаюсь, что тебе стоит вот так шокировать нашу семью своими признаниями.

Самое забавное было в том, что я даже не была полностью уверена в том, что знаю, в чем брат собрался признаваться. В тот день 2 месяца назад он не ответил на мой прямой вопрос, и меня до сих пор иногда терзали смутные сомнения, что его ответ мне вряд ли пришелся бы по душе. Надеюсь, мне удалось его убедить в своей правоте, хотя с парнями никогда нельзя знать наверняка. Фактически любой представитель сильного пола живет по принципу: послушай женщину и сделай наоборот. До сих пор Маркус делал именно то, что я ему посоветовала, но сегодня его потянуло бунтовать, поэтому предсказать его действия было затруднительно.

После моей тирады он замер на пороге и задумался. Я старалась даже дышать потише и ждала его решения. Спустя пару минут он повернулся ко мне и с хитрой улыбкой спросил:

– А что я за это получу?

Признаюсь честно – в этот момент я растерялась. Ничего ценного у меня не было. К тому же я подозревала, что он имеет в виду не деньги. А что же тогда ему нужно?

– Я могу помочь тебе с рефератом, – наобум предложила я. Он покачал головой.

– Приготовить что-нибудь вкусное?

– Ты же не умеешь готовить.

– И то верно. Стирать твои носки?

– Вместо стиральной машины?

– Будить тебя в школу? – фантазия начала меня подводить. К счастью, ему тоже надоела эта игра в угадайку, поэтому он даже не стал отвечать, а просто подошел ко мне и сел рядом на кровать. Я подумала, что он хочет обнять меня, и почему-то даже была разочарована тем, что он не сделал этого. Он сидел очень близко и молчал, а я смотрела на его руки и вспоминала те ощущения, что я испытывала в его надежных объятиях. Казалось, что это было так давно... Может, этого вообще не было, это был просто сон? Почему он не хочет обнять меня? Я же его сестра, он сам это сказал только что. От того, что он продолжал держать дистанцию между нашими телами, я почувствовала холод одиночества. Лучше бы он ушел поскорее, тогда я могла бы спрятаться под одеяло и там согреться хотя бы физически. Но он никуда не уходил, только сидел и молчал.

Неожиданно у меня возникло ощущение, что он хочет что-то сказать, но боится, что я рассержусь. Я повернулась к нему лицом, робко протянула руку и погладила его по щеке, чтобы подбодрить. Марк перехватил мою ладонь и нежно поцеловал мои пальцы. В комнате воцарилась такая тишина, как будто в ней никого не было. Но в ней находились целых два человека, которые запутались в своих отношениях.

***

Когда я только появилась в этой семье, мне сразу не хотелось там оставаться. Главной причиной была моя новая «мама», ледяной взгляд которой пугал меня до глубины души. Она фальшиво улыбалась и всегда обращалась ко мне «моя дорогая», но это не помогало.

Директриса приюта была счастлива, что и для меня нашлась приемная семья, поэтому она очень быстро подписала все необходимые бумаги. Наверно, по-своему она даже любила меня и беспокоилась о моем будущем. Работа в приюте была ее призванием, делом всей ее жизни. Не знаю, что с ней стало после того, как всех остальных детей разобрали приемные семьи, и приют был окончательно закрыт.

Мне же предстояло узнать, что такое жизнь в настоящей семье, а к этому я была не готова. Даже когда была запущена программа социальной адаптации, во мне крепла уверенность, что меня никто не захочет взять. Видимо, я недооценила людскую жадность. Но первая встреча с моей новой «семейкой» была весьма поучительной.

Когда мы зашли в квартиру и прошли на кухню, там уже собрались все члены семьи. Близнецы сидели на коленях у папы и активно поедали ужин. Маркус с Лилиан сидели на скамейке у окна и делали вид, что читают газету. Правда, тогда я еще не знала, как их всех зовут, но мама меня быстро познакомила с остальными.

Папа был высоким плотным мужчиной с темными волосами и седыми висками, он почти всегда выглядел усталым, так как много времени проводил на работе. Мое появление в семье его обрадовало из-за полученного государственного пособия. Выполнять обязанности отца у него не было ни сил, ни времени, ни желания. Своих родных детей он любил, меня принимал как желанную гостью, но редко общался и с ними, и со мной, предпочитая редкие свободные минутки проводить наедине с женой. Когда он смотрел на нее, в его синих глазах ярко светилась любовь.

К сожалению, ее ответный взгляд был неизменно холодным и равнодушным. Странно, что только я это замечала. У мамы были длинные черные волосы и очень темные глаза, она тоже была очень высокой и при этом очень стройной, даже худощавой. Она редко ругалась, еще реже кричала на нас, внешне она была воплощением заботы и образцом матери. Но только внешне, что происходило внутри за этой ледяной маской, никто не знал.

Близнецы были очень похожи на папу, как и Лилиан. Все трое были темноволосые и синеглазые, плотного телосложения, а с годами обещали вырасти довольно высокими. Лили с 12 лет начала следить за фигурой и мечтала как можно скорее стать взрослой, чтобы носить длинные платья, пользоваться косметикой и поражать каждого своей красотой. Но пока она была маленькой нескладной девчонкой, ошибочно уверенной в том, что весь мир вращается вокруг нее.

Маркус внешне отличался от остальных родственников и был копией матери – очень черные волосы, очень темные глаза, довольно узкое лицо и стройное тело, в котором сила сочеталась с изяществом. Даже в 16 лет он выглядел привлекательным, и было очевидно, что он вырастет по-настоящему красивым мужчиной. Но его красота меня мало волновала, так как с первых слов, которыми он меня встретил, я поняла, что он станет моим врагом.

– Мама, – начал Марк с недовольной гримасой, – зачем ты привела к нам эту.... ммм... девочку?

– Это ваша новая сестра Карен, – голос мамы оставался спокойным и ровным почти в любой ситуации. – Я же говорила, что подписала нашу семью на программу социальной адаптации. Сегодня я была в приюте и выбрала для нас нового члена семьи, благодаря которому мы будем получать хорошее пособие и многие государственные льготы. Надеюсь, скоро вы сможете полюбить ее как родную сестричку.

– А я был против этого, если ты помнишь, и предупреждал, что будет, если ты не прислушаешься к нашему мнению, – в голосе брата прозвучала скрытая угроза, но маму это ничуть не смутило.

– Я уверена, что когда вы узнаете ее поближе, то обязательно полюбите. В приюте мне про нее рассказали много хорошего.

– Мамочка, нельзя быть такой доверчивой, – в разговор вступила Лилиан. – Они тебе сказали бы что угодно, лишь бы ты забрали у них очередного подростка, которого иначе было бы некуда пристроить. Мне она не нравится! Думаю, что Марку тоже, верно?

– Ты права, милая. Только ты моя сестра, а эта ворона Кар-Карен нам чужая.

– Отличное ты ей придумал прозвище!

– Нельзя так называть свою новую сестру! – в разговор вступил отец. – Пусть она нам не родная, но теперь она тоже член семьи. Ваша мама поступила правильно, ведь это принесет нам неплохой доход каждый месяц.

Вокруг меня разгорелся спор на повышенных тонах, каждый пытался доказать, что его точка зрения единственная правильная, а остальные ошибаются, но меня это мало волновало. Мне было скучно. Стоя у дверей, я с легкой тоской вспоминала свой приют и мечтала вернуться туда. По крайней мере, в последние месяцы там царили тишина и покой.

Никогда бы не подумала, что из-за какого-то пособия люди способны ТАК орать... Когда шум вокруг меня достиг пика, мне это надоело. Взяв в руки табуретку, я с силой швырнула ее в пустой угол кухни. Когда изумленные родственники замолкли и повернулись ко мне, я тихо сказала:

– Я нахожусь в вашей семье всего 5 минут, а вы уже меня достали. Вы мне чужие, я вам чужая. Это нормально. Мне не нужны ни ваша любовь, ни ваша забота. Можете называть меня вороной, сорокой, хоть стервятником – меня это не трогает. Я хочу только спокойной жизни. Вы будете получать пособие благодаря мне – взамен я прошу лишь тихий уголок в вашем доме, регулярное питание и минимальное обеспечение. Мне не нужны карманные деньги, дорогие игрушки, украшения или крутые тряпки. В любом случае, я не могу вернуться в приют, так как все бумаги подписаны, и теперь я вынуждена жить с вами. Смиритесь с этим, как смирилась я. Возражения?

– У меня есть вопрос, – после небольшой паузы сказал Марк.

– Вперед.

– Ты всегда такая злобная?

Хороший вопрос, мой новый брат. Ответить честно? Или изобразить обиду и возмущение? Ладно, пусть привыкают ко мне, ведь я теперь «часть этой семьи».

– Нет, сегодня я постаралась быть милой в честь нашего знакомства. Обычно дела обстоят намного хуже. Надеюсь, больше вопросов нет? Вот и славно.

Наши взгляды встретились на секунду, затем я повернулась к маме и спросила, где мне положено спать. Она молча показала мне мою комнату, переделанную из кладовки, и собралась уходить, но на прощание поинтересовалась, нужно ли мне еще что-нибудь.

– Да, очень нужно, и как можно скорее.

– И что же?

– Крепкую задвижку на дверь.

К моему удивлению, мама не стала спорить. Еще сильнее меня поразило, что она сразу же позвала отца, и через полчаса моя дверь обзавелась небольшим засовом. Поблагодарив своих новых родителей, я пожелала им спокойной ночи и отправилась в постель. Мне было необходимо отдохнуть и как следует обдумать все, что произошло в этот день.

Судьба привела меня сюда, в эту странную семью, и теперь мне придется выживать здесь. Было очевидно, что Марк с Лилиан не в восторге от моего появления. Но я сказала чистую правду – мне абсолютно все равно, как они меня называют, как относятся и что говорят у меня за спиной. Возможно, на их месте я вела бы себя точно так же, как и они.

***

Как странно – с самого начала я очень сильно не понравилась Маркусу, а сейчас он сидит рядом со мной, держит мою ладонь у своего лица как величайшую драгоценность, и его взгляд наполнен нежностью. Глядя на него, я ощутила внутри себя необычное чувство, которого раньше никогда не испытывала. Мне было одновременно хорошо и печально, я чувствовала себя почти счастливой, но почему-то хотелось заплакать. Но больше всего на свете мне хотелось снова оказаться в его объятиях. Почему я не могу просто протянуть руки и обнять его сама? Он ведь так близко, он совсем рядом, его глаза не отрываются от моих.... Но я боюсь. Боюсь ошибиться, боюсь стать назойливой, боюсь надоест, боюсь сделать что-то не то. И вместе с этим меня пугает сама возможность привязаться к кому-то. Я прожила все эти годы в одиночестве, закрыв свое сердце и почти не испытывая никаких эмоций. Так было проще, легче, это спасало от разочарований и боли – это был способ выжить. Но может, настала пора научиться не только выживать, но и ЖИТЬ?

– Марк?

– Да, милая?

Он назвал меня «милой»? До сих пор он обращался так только к своей родной сестре. Это хороший знак. Но этого недостаточно, чтобы попросить его обнять меня, а он смотрит на меня и ждет ответа, чего я хотела от него. Надо спросить нечто нейтральное:

– О чем ты сейчас думаешь?

Такой простой вопрос заставил его покраснеть. Он отпустил мою ладонь, помялся немного, но все-таки признался:

– О том, можно ли мне тебя обнять...

– Нужно! – почти выкрикнула я и тоже покраснела. Но какое это имело значение? Маркус заглянул в мои глаза, как будто хотел удостовериться, что я не шучу, после чего осторожно прижал меня к себе обеими руками. Уткнувшись лицом в его плечо, я чувствовала, как холод уходит, как меня окружает тепло – не только физическое тепло, но и душевное. Его забота и ласковое отношение потихоньку начали растапливать лед безразличия в моем сердце. Но я настолько привыкла жить с полным равнодушием ко всему окружающему, что братской любви было недостаточно для того, чтобы сделать меня нормальным человеком с эмоциями.

В объятиях Марка было так хорошо и спокойно, что мне не хотелось даже разговаривать, но один вопрос не давал мне покоя.

– Что ты имел в виду, когда спрашивал, что ты получишь за это?

– Я это уже получил, – тихо ответил брат.

– Что ты имеешь в виду?

Затаив дыхание, я ожидала ответа, но Маркус не торопился раскрывать все свои карты. Он молча покачал головой и еще крепче прижал меня к себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.